

Мы не знаем, довел ли их митроп. Зосима до сведения Ивана III и произвели ли они какое-нибудь действие. Конечно, инквизиция не привилась у русских отнюдь не в силу «сравнительной мягкости славянской натуры»,¹ а лишь в силу отсутствия аналогичных западноевропейским общественным взаимоотношениям, экономических и культурно-религиозных. Когда указывают на казнь, устроенную Геннадием (на головах еретиков были надеты и сожжены берестяные шлемы, может быть, подражание испанской согоза), то упускают из вида оправдывавшие, несомненно, Геннадия византийские в том же духе прецеденты сожжений с предшествующими позорными процедурами. Но под покровительством практики византийского церковного права могли не без успеха и католические эмиссары предлагать то или иное из инквизиционного опыта и обихода. Как бы то ни было, хотя ограниченное членовредительством, ауто-да-фэ все же состоялось: Геннадий, по словам местных летописцев, «...повелѣ их [еретиков] жечи на Духовском поле».²

конечно, количестве, но аналогичные случаи наблюдались Геннадием, так как новгородские жидовствующие тоже бежали от обысков, сначала в Москву, позже за литовский рубеж. Пам. др.-русс. канонич. права, I², 772; «Просветитель» Иосифа Волоколамского, изд. 3 (Каз., 1903), 37—38. — Г. Конфискация является своего рода жизненным нервом, проходящим через весь инквизиционный строй. Еще в 1478 г. задуманной папою Сикстом IV инквизиции испанская корона придала характер вполне казенного ведомства: назначает инквизиторов светская королевская власть; конфискованное имущество еретиков поступает в собственность государственной казны. Вскоре последовали протесты со стороны Сикста IV. В действиях новой инквизиции он усматривает скорее грабеж, чем «акт веры», *actus fidei*; он пишет о многих жалобах, поступивших в римскую курию, и требует, чтобы впредь в трибуналах было дано место его делегатам. По словам папы, испанские инквизиторы руководятся «*non zelo fidei et salutis animarum, sed lucri cupiditate*»; вся суть процесса сводится к тому, что подсудимые, часто по оговору рабов, соперников, заведомых клеветников «*bonis et beneficiis spoliantur et traduntur curiae aseculari et per illam ultimo supplicio officiantur*». В «Речах» нет ни намека на корыстолюбие инквизиторов, но правильно изображается светский уклад инквизиционного института. — Д. Из документов явствует непрерывный ряд поражений курии в пользу короля. Здесь своим освещением инквизиции (посольство в Рим, высылка оттуда епископов, радушный прием и королевские им милости) «Речи» значительно расходятся с историей. На фоне общей их верности смыслу событий (ср. предыдущие рубрики) это расхождение едва ли случайно. Супрематия папы по отношению к испанской инквизиции кон. XV в. осталась не более, чем не претворенным в жизнь идеалом папских сторонников.

¹ Славянофильская точка зрения Ор. Миллера, — Вопрос о направлении Иосифа Волоколамского. Журн. Мин. нар. просв., 1868 (ч. CXXXVII, февраль, стр. 527—545).

² ПСРЛ, III, 143, 184, 244 (II и III Новгородские). Соображения относительно процессии осужденных жидовствующих, посаженных на лошадей задом наперед («Просветитель», назв. изд., 43) приводились Н. П. Поповым: Афанасиевский извод повести о Варлааме и Иоасафе. Изв. ОРЯС, т. XXXI (Лен. 1926), стр. 221.